

Кира Измайлова
Елена Хохлова
КОММУНАЛКА

Кира Алиевна Измайлова

Коммуналка

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497092
Коммуналка / Кира Измайлова: Авторское; 2018*

Аннотация

Могла ли первокурсница Ирочка, снимая комнату в старой коммуналке, представить, с чем (и кем) ей придется столкнуться? Она полагала, самое страшное – это соседки-пенсионерки, но тихий маленький городок открылся ей с неожиданной стороны. И, пожалуй, местные адвокаты-кровососы и оборотни в погонах – это сущая ерунда по сравнению с тем, что таится за заложеной кирпичом дверью, загороженной шкафом...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	42
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кира Измайлова

Коммуналка

Глава 1

Три старушки и одна студентка

Ирочке несказанно повезло: ей удалось снять комнатку недорого. Отдельную комнату, правда, в коммуналке, да и довольно старенькой, зато она жила одна, и мама с сестрой могли приехать ее навестить. И еще это был другой город, правда, до места учебы – всего полчаса электричкой либо автобусом, ну плюс еще общественный транспорт, в дороге можно почитать и подучить что-нибудь... И городок неплохой, он сразу понравился Ирочке обилием фонтанов и общим каким-то спокойным настроением, ничего общего с большим городом, мирно, уютно... О ценах и говорить не приходилось. Насколько могла понять Ира, отсюда очень многие – кто не работал на местных предприятиях вроде пивзавода и ткацкой фабрики – каждый день ездили тем же маршрутом, что и она, так что не страшно, переживет.

Комнатка сдавалась сразу надолго, и Ирочка заплатила за три месяца вперед, израсходовав все свои деньги, накопленные к учебе. Ее не смущало, что ремонт делался, кажется,

при Сталине или при Брежневe – она не разбиралась. Высокие окна, деревянные рамы, нуждающиеся в покраске, старый комод, коричневатые обои и скрипучий диван, зато никаких насекомых кроме паука в углу. Чистенько и бедненько.

В объявлении так и говорилось: сдам комнату приличной девушке. Парней не водить, детей не заводить, никаких животных и прочих шумных факторов, оргий не устраивать.

Объявление было составлено так обстоятельно и так старомодно, что Ирочка решила съездить и проверить, что же за сказочные хоромы предлагаются на таких условиях.

Приехав, она сразу поняла, в чем дело: в квартире проживали три старушки, одна комната сдавалась. Понятно, что таким ветхим пенсионеркам оргии под боком не нужны, а уж тем более шумные дети. Если подружка на чай зайдет – это одно, а вечеринок не надо! Хозяин сразу так и сказал: в этой богадельне очень тихо, старушки не шумные, телевизор в пять утра не включают, не ругаются, так что я пошел им навстречу и подыскиваю скромную девушку. Может, в деньгах проиграю, зато отношения не испорчу, сказал он и добавил полушепотом: "Им недолго осталось, выкуплю комнаты, ремонт сделаю, не квартира будет, а конфетка!"

Ирочка понятливо кивнула и пообещала быть замечательной соседкой. Она понимала, конечно, что бабульки изведут ее разговорами, станут пичкать каким-нибудь вареньем собственного приготовления, просить помочь с чем-нибудь, но это можно пережить. Где еще найдешь комнату с нешумны-

ми соседями, да недалеко от училища, да за такие деньги?!

Словом, Ирочка въехала сразу же, не раздумывая. Перетащила чемодан, сумку и пакет с учебниками, распихала в древний советский шкаф вещички, поставила на полку в ванной зубную щетку в стаканчике и зубную пасту, покосившись на ряд замшелых мыльниц, наверное, принадлежавших проживавшим здесь старушкам, и почувствовала радость от того, что обрела свой угол. Она-то заранее страдала от того, что в хостеле, где она кантовалась до этого, ей трудно будет заниматься, а тут такие хоромы! На радостях Ирочка пошла в кухню, втайне страшась встречи с местными обитателями, и поставила чайник, решив ознаменовать первый день на новом месте чаепитием. Пара пирожных была куплена и припрятана в пакете, там же лежал кусочек сыра и пирожок – вполне достаточно для скромного пира.

Чайник уже закипел, когда Ира внезапно поняла, что хочет не просто чаю с пирожными, а поесть. Потому что последний раз она нормально ела только на ужин, утром быстро перехватила пару печенюшек под кружку чая, а было уже за полдень.

Поколебавшись между бутербродом с сыром и пельменями (которые она уже убрала на свободную полку в древнем холодильнике «Север»), Ира выбрала пельмени и уже высыпала десяток в кастрюльку, как вдруг поняла, что соли у нее нет. На общей кухне никаких приправ не наблюдалось, оставалось либо бежать в магазин (а где тут магазины, Ирочка

еще не выяснила), либо просить у соседей. Так или иначе, знакомиться придется, а что может быть лучшим поводом для знакомства, как не просьба одолжить соли?

В квартире, однако, царила мертвая тишина, видимо, пенсионерки вкушали послеобеденный отдых, и будить их было неловко. Нужно было или обходиться бутербродом, или идти искать магазин, и Ира уже сняла с вешалки курточку, как вдруг заметила, что одна дверь в коридор приоткрыта.

Она повесила куртку обратно и нерешительно остановилась у косяка. В комнате, насколько она могла заметить, окна были плотно закрыты шторами, отчего в ней царил полумрак, но полумрак был уютный и приглашающий, как будто там кто-то сидел в кресле-качалке и смотрел на дверь, ожидая, когда в нее постучат. Ирочка сделала глубокий вздох и постучала по косяку.

Отчего-то ей показалось, что ей никто не ответит, но из-за двери донеслось тихое «Входите». Ирочка еще раз сделала вдох и вошла. Из-за полумрака она не сразу заметила хозяйку: та сидела в деревянной качалке и смотрела на нее – все, как ей и представлялось. На ней было темное платье в мелкий цветочек и повязанный по-деревенски беленький платок.

– Здравствуйте, я ваша новая соседка, снимаю комнату, зовут Ирина, можно Ира, – отрекомендовалась Ирочка, вспоминая, как школьный психолог советовал ей «прокачивать социальные скиллы» и еще много других мудреных

слов. Психологом была молодая самоуверенная девица, отучившаяся в большом городе и страшно гордившаяся этим и новомодными тенденциями в науке психологии, будто лично эти тенденции открывала.

Бабулечка в кресле улыбнулась ей как малому ребенку.

– Ну здравствуй, девонька, заходи, садись. Познакомиться желаешь?

Ирочка вспомнила про пельмени, которые, наверное, же приварились ко дну и, сделав виноватые глаза, воскликнула:

– Я тут пельмени варю, а соли нет. Вы не одолжите? А я завтра же в магазин сбегая...

– Ой, что-то не припомню, чтобы у меня соль была, – задумалась старушка. – Сахар есть, точно...

Лицо Ирочки против ее воли выразило разочарование, и теперь ей было неловко встать и выбежать из комнаты к своим пельменям. Но старушка поняла ее, как ни странно.

– А я буду Евдокия Степановна, баба Дуся, значит. Ты, Ирочка, беги вари свои пельмени, кушай, а потом ко мне забегай на чаек.

Пельмени пришлось есть без соли, но с голодухи Ирочка умяла их в один присест. В принципе, ничего, съедобно, а соль – вообще белая смерть. Старушка, решила она, наверное, вообще ее не ест, суставы болят или еще что... А вот на чай идти не хотелось. Как прицепится с разговорами, потом не отвяжешься, особенно если узнает, что Ирочка учится на медика. И поди докажи, что ты еще только первокурсница,

уколы ставить не умеешь, в фармакологии не разбираешься, и что стреляет в левом боку, тоже пока не знаешь!

Но тут она вспомнила про социальные скиллы и укорила себя за нечуткость. Да и баба Дуся, поди, варенье какое к чаю выставит. Поэтому Ирочка, старательно вымыв посуду, собрала свои пирожные и постучала к соседке.

Та, видно, ее ждала: накрыла круглый стол толстой гобеленовой скатертью, поставила вазочки с вареньем двух видов, как и предполагала Ирочка, тарелочку с пирожками и старомодные пузатые чашки с золотом.

Ирочка вошла, поздоровалась еще раз (лишним не будет) и скромно поставила на стол пирожные в пластиковой корзиночке.

– А я тебя жду, сейчас чаек поспеет, с цветочками и листочками, – сообщила ей Евдокия Степановна, ставя на стол запотевший чайник под стать чашкам под толстой куклой в пышных юбках.

Чай оказался очень вкусным, варенье тоже – малиновое, Ирочкино любимое, и еще яблочное с айвой, очень душистое. Пирожки тоже были с яблоками.

– Как устроилась, Ирочка? – ласково спросила старушка, подливая чаю и с подозрением рассматривая покупные пирожные.

– Спасибо, очень хорошо, – вежливо ответила та, прожевав очередной пирожок. – Комната светлая такая, окно во двор, тихо, заниматься хорошо...

– Так ты из студентов будешь? – уточнила Евдокия Степановна.

– Да, я в медицинский поступила, – сболтнула Ирочка и чуть не зажала себе рот руками. Ну что ей стоило сказать, что учиться на ветеринара? Ведь хотела же обойти этот вопрос, ан нет, само сорвалось!

– Это хорошо, людей будешь лечить, – кивнула старушка.

Ирочка хотела было сказать, что хочет быть патологоанатомом, то есть не лечить людей, а потрошить, но решила, что об этом лучше умолчать.

– Ты, главное, не пугайся, если за стеной что-то упадет, – сказала Евдокия Степановна.

– А что? Мне сказали, что это очень тихая квартира! – испугалась девушка.

– Да, только Сталина Иванна, когда заседание Думы смотрит, иногда гневается, – хихикнула старушка. – Но вслух не ругается, ты не подумай дурного. Ну да ничего, скоро со всеми познакомишься...

Ирочка думала об этом с содроганием.

– Ну, чайку попили, пора и честь знать, – сказала Евдокия Степановна, – вам, молодым, со стариками скучно. Но ты заглядывай, если что, нам-то с вами как раз веселее...

Девушка поблагодарила за угощение, радуясь, что легко отделалась, старушка оказалась ненавязчивой, и убежала к себе. Надо было разбирать вещи и обустраиваться.

2 сентября

Вот и началась моя новая жизнь. Как я хотела этого! Мне скучно в нашем маленьком городке, а Богоявленск, хотя совсем ненамного больше, куда интереснее. Я первый раз стала жить совсем одна. Конечно, мама надавала мне кучу наставлений, но все равно – я живу самостоятельно! И с квартирой повезло ужасно. Рядом с институтом жить лучше, но какие там цены! Мы и эту-то оплачиваем с трудом, спасибо стипендии губернатора.

Но жить совсем одной здорово! И соседки милые. Я сперва боялась, что они станут ко мне лезть постоянно, а они нет.

5 сентября

Институт такое солидное здание, что мне стало страшно просто туда заходить. Оно такое величественное! Со статуями! И портреты висят! Аудитории огромные, и сколько туда влазит народу... Я познакомилась с половиной своей группы, многие, как и я, приезжие. И кое-кто тоже из Богоявленска, будем ездить вместе. Они говорят, что электричкой всего сорок минут, местные, бывает, дольше едут от дома.

Ирочка прокралась на кухню, отметив, что и правда квартира очень тихая, даже не похоже, что здесь живут пятеро человек, и принялась набирать воду в колонку. Она еще вче-

ра подробно расспросила у Евдокии Степановны, где что и чем можно пользоваться и как, чтобы не вызвать гнева коренных обитательниц. Раньше ей не доводилось видеть таких агрегатов, но она быстро разобралась, зажгла колонку и села на табуретку дожидаться, пока вода согрется.

В этот момент одна из дверей распахнулась, послышались шаги. Ирочка напряглась. Вот и еще одна обитательница квартиры. На кухню вплыла корпусная дама в малиновом халате с большими цветами. Ее седые волосы были красиво уложены короной вокруг головы.

– Здравствуйте, – робко сказала Ирочка, поднимаясь с табуретки.

Дама милостиво ее рассматривала, казалось, ей не хватало лорнета и шпица, твякающего из подмышки.

– Меня зовут Ирина, я сняла комнату у вашего соседа, – пояснила она.

Лицо дамы выразило недоумение, мол, какой еще сосед, потом просветлело.

– И чем изволите заниматься? – голос у нее был довольно высокий.

Ирочка объяснила и по лицу собеседницы поняла, что одобрена.

– Это чудесно, дорогуша, когда молодая девушка так стремится к знаниям. Вы знаете, мой покойный муж, профессор Беккер, был выдающимся врачом, кардиологом. К сожалению, тогда, – она выделила это слово, – быть врачом бы-

ло опасно, знаете, всегда человека могли оболгать, унизить, невзирая на заслуги!.. Загляните ко мне как-нибудь, я вам покажу фотографии!

Ирочка поблагодарила, радуясь, что ее не потащили смотреть фотографии немедленно и позволили принять ванну.

Напоследок дама вспомнила о манерах и заявила, что ее зовут Анна Феодосьевна Беккер. Мадам Беккер извлекла из холодильника мечниковскую простоквашу и удалилась к себе. Ирочка облегченно выдохнула. Пока бабушки-старушки были не такими ж страшными, даже милыми.

Но это только пока.

С третьей соседкой Ирочка познакомилась аккурат на третий день учебы, когда, ошавев от количества знаний, которые еще только предстояло постигнуть, варила себе сосиски.

Хлопнула входная дверь, и в прихожую тяжелым шагом, словно статуя Командора, вошла рослая... назвать ее старухой язык не поворачивался.

– Что за вонь на кухне?! – громким, хорошо поставленным голосом произнесла пожилая женщина с крашеной халой на макушке.

Ирочка попятилась. Соседка (а судя по значку с профилем Ленина на лацкане старомодного бордового костюма, это была та самая Сталина Иванна) оказалась на полголовы выше студентки и заметно массивнее. Однако это была не мягкая округлость Анны Феодосьевны, Сталина Иванна

больше напоминала статуи советского периода – массивные, немного угловатые и оч-чень крепкие.

– Девушка, это ваши пельмени в холодильнике? – нахмурив густые брови, спросила та. – Микояновские?

Ирочка испуганно кивнула.

– В мое время за такое – уж простите, милочка, я ознакомилась с составом на этикетке, – дали бы десять лет без права переписки! – отрубил Сталина Иванна. – А это вы что едите?

– Сосиски... – пробормотала девушка. – Тоже микояновские...

– Дайте попробовать... Тьфу! А за это – расстреляли бы! Я буду жаловаться руководству комбината!.. Они же краской воняют, вы что, не чувствуете? Лучше бы овсянку сварили, чем травиться такой дрянью...

С этими словами Сталина Иванна прошествовала в свою комнату (пол ощутимо содрогался) – раздался звук включенного телевизора и тут же оборвался. Ирочка выдохнула и доела сосиску. Никакого запаха краски она не чувствовала.

Сталина Ивановна напомнила ей школьного завуча, вот уж кто был мастером громить и обличать.

– Да ты ее не бойся, не укусит, – проговорил кто-то за спиной. Голос был незнакомый. Ирочка обернулась, сжимая в руке вилку. Перед ней стояла незнакомая пенсионерка, крепкая, сухощавая, со свежим румяным лицом и седоватыми темными волосами, зачесанными под гребенку. В руках у нее

была трехлитровая банка с чайным грибом.

– Ты тут никак комнатку снимаешь или, может, в гости к кому пришла? – продолжила допрос пенсионерка.

– Снимаю, – созналась Ирочка и поспешила представить-ся.

– Ну живи, – разрешила пенсионерка, любовно оглаживая банку. – У бога всего много, всем хватит. Я сама уж лет двадцать тут кукую. Живу сама себе, молюсь, постую иногда, для здоровья, никого не обижаю, на чужое не зарюсь. Да тут хорошо, главное себя соблюдай.

Ирочка пообещала соблюдать, но от щедрого предложения угоститься чайным грибом отказалась.

Одним словом, к концу недели Ирочка убедилась, что с пенсионерками вполне можно сосуществовать, и даже безбедно.

Так, Евдокия Степановна, баба Дуся, как та просила себя называть, регулярно зазывала девушку к себе на чай и слушала новости большого мира.

Сталина Иванна как-то чуть не силой затащила Ирочку к себе, усадила перед телевизором – цветным, но древним, еще советским "Рубином", по которому показывали очередное послание Президента, и сунула в руки большую тарелку.

– Вот такие должны быть пельмени! А не та дрянь, которую ты ешь! – заявила она, и Ирочка под ее резкие комментарии о происходящем в стране, под суровым взглядом Сталина с портрета в красном углу умяла десятка два пельменей

со сметаной.

Анна Феодосьевна умела печь изумительное ванильное печенье и тоже приглашала Ирочку на чай под воспоминания, просмотр старого альбома с фотографиями и негромкую музыку (у профессорши была радиола с проигрывателем и коллекция пластинок).

Ну а Мария Петровна пекла изумительные пироги, варила борщ, а ради борща Ирочка готова была выслушать даже длинную лекцию о религии: старушка оказалась баптисткой, ударилась в религию после развала СССР, разругалась с родней, заставила разменять квартиру и съехала в коммуналку.

Немногие из Ирочкиных однокурсников могли похвастаться таким везением. Конечно, в общежитии было весело, но девушка была там в гостях у приятельницы и искренне порадовалась, что у нее хоть маленькая комнатка, да отдельная. И санузел в квартире чище некуда, и тараканов на кухоньке нет.

Недавно Ирочку торжественно включили в график дежурств по уборке, но это ее не смутило: лучше уж раз в несколько дней почистить плиту и помыть полы, чем жить в жуткой грязи. А вот бабы Дуси в расписании не было, но это Ирочку не удивило: та не казалась носу из своей комнаты, куда такой немощной старушке еще и сантехнику драить!

10 сентября

Соседки очень милые, но они странные. Ну да, они уже

старые, но все равно странные. Со своими причудами. Особенно баба Дуся. Кажется, ей сто лет, но она совсем не дряхлая. Но все равно ясно, почему она не убирается по очереди со всеми. Тут убирать просто, потому что соседки очень аккуратные. Неужели я тоже буду такая в старости? И надо купить соли. Они все вроде бы на бессолевой диете, поэтому соли в доме нет.

18 сентября

Столько задают, просто ужас. Не знаю, как я это все выучу. Но другие же как-то выучивают. Надо взять в библиотеке учебник Гайворонского, если остался. Говорят, он лучший.

Позвонила маме, она говорит, что сперва всем тяжело. Спросила, как отношения с соседками, не грублю ли я им. Да мне просто страшно им грубить, даже если б захотела. И опять я забыла про соль!

Глава 2

Ключ и дверь

Ира готовилась к коллоквиуму, когда в стену что-то грохнулось, упало и покатилося. Вдобавок в старом шкафу, который девушка не смогла сдвинуть с места, как ни старалась (не бабулек же на помощь звать!), что-то обрушилось, наверно, полка или вешалки.

Ирочка тяжело вздохнула, потянулась и пошла взглянуть, что случилось. Вернее, что случилось, она знала: это Сталина Иванна, Сталиванна, как начала называть ее девушка, снова смотрела новости, обозлилась на Президента или на Думу, да и запустила в стену чугунным конем (уже без крыльев), очередным презентом от товарищей по партии. Как она поднимала это чудовище, Ирочка не представляла.

Так и есть, в шкафу обвалилась перекладина вместе со всеми вещами, пришлось вытаскивать их, складывать на диване и думать, как приладить дурацкую палку обратно. И тут Ирочка заметила, что задняя стенка шкафа – не деревянная и не фанерная. От сотрясения, наверно, там отвалился кусок штукатурки, и стало ясно, что задней стенки просто нет: шкаф был намертво приделан к стене. Теперь стало ясно было, почему его нельзя сдвинуть!

Ира поковыряла крашенную в коричневый цвет штука-

турку: та осыпалась кусками, обнажая кирпичную кладку.

"Похоже на дверь, – подумала девушка. – Может, наши со Сталиванной комнаты смежные? И дверь заложили?"

Подумав, она решила отковырять древнюю штукатурку вообще. А потом тайком принести в комнату цемента, или чем там штукатурят, и сделать все заново, потому что больно уж уродливо выглядела стена, лишившаяся части облицовки.

Ирочка задом вылезла из шкафа, принесла бесплатную газетку, расстелила на дне и принялась за дело. Она еще пустила в ход ножницы, так что стенка обнажалась очень быстро. Скоро стало очевидно, что она не ошиблась: штукатурка отделялась точно по контуру, напоминавшему дверь. Кирпич под штукатуркой был красный и сырой, в белесых потеках, видно, очень старый, Ирочка даже удивилась: ей казалось, что снаружи стены дома, хотя и не новые, все же выглядели куда приличнее. Когда она, запыхавшись, вытащила гору штукатурки из шкафа и пристроила в бумажный мешок, наступил уже совсем вечер. Она умылась, отряхнулась от каменной крошки и вновь влезла в шкаф. Ее удивляло, что за стенкой стояла мертвая тишина: Сталиванна никогда не ложилась спать, не посмотрев последние известия, а до них было еще добрых полчаса. Ирочка распахнула дверцу настежь и при свете лампочки внимательно осмотрела найденную дверь. Что-то блеснуло на полу, она нагнулась и под-

няла небольшой латунный ключ. Ирочка повертела его в руках. И так, у нее был ключ, была дверь, ну, почти была. До нее следовало еще добратся сквозь кирпичи. В голове у нее мелькнула мысль, что гораздо лучше приладить палку на место, повесить одежду в шкаф и продолжить подготовку к коллоквиуму, но Ирочка ее решительно отогнала. Какой коллоквиум тут может быть!

Что подумает Сталиванна, когда к ней в комнату через стену ворвется Ирочка с ключом наперевес, она старалась не думать. Ее захватил азарт до такой степени, что у Ирочки дрожали от нетерпения руки. Но с чего начать? Ей никогда не приходилось разбирать кирпичную стену, как, впрочем, и собирать. Она провела рукой по стене и убедилась, что та и впрямь такая же влажная и холодная, как ей показалось. И еще – что кирпич примерно на уровне живота у самой границы с нетронутой штукатуркой слегка поддается. Ирочка взяла свои многофункциональные ножницы и принялась ковырять раствор по контуру кирпича. Он сыпался ей под ноги, прямо как песок. «Да это совсем легко!» – весело подумала она.

Ирочка не думала о том, что шум может насторожить соседок, о том, как будет выносить из квартиры строительный мусор (можно из окна понемножку выкидывать, решила она), ей было страшно интересно, что же это за дверь такая...

Наконец та показалась во всей красе: обычная дверь советского образца, крашенная белой облупившейся краской, из-под которой проглядывала голубая, коричневая и ка-

кая-то вовсе уж серо-буро-малиновая. И ручка оказалась на месте, круглая такая, в доме Ирочкиной бабушки были такие же.

Только при попытке повернуть эту ручку ничего не произошло. Дверь была заперта.

"Ключ!" – вспомнила Ирочка, нашарила его в кармане и сунула в замочную скважину. Ключ повернулся на удивление легко.

Дверь с ужасающим скрипом приотворилась, и в лицо ей хлестнуло ледяным ветром со снегом. Куда бы ни вела эта дверь, но явно не в комнату Сталиванны...

Ирочка отшатнулась, но любопытство превозмогло испуг, и она осторожно высунулась в щель.

За дверью оказалось заснеженное крыльцо. На улице было совсем темно, фонари не горели, не светились окна и не мигала реклама. И транспорта никакого не было. Хотя нет! Вон проехала запряженная унылой клячей телега, Ирочка видела такие в деревне. Из-под рогожи на телеге что-то торчало. Она присмотрелась... и поспешила захлопнуть дверь. Это были очоченевшие человеческие ноги.

Ирочка стояла, изо всех сил прижимая собой дверь, словно телега могла въехать сюда, в ее скромный уют. «Да чушь, – сказала она вслух, когда дрожь немного улеглась. – Не может быть, это мне мерещится из-за кино...» И из-за занятий, подумала она про себя. Наверное, ветер спутал прово-

да, вот и свет вырубился. Но снег, откуда снег? На дворе стоял октябрь, сырой, дождливый, втаптывающий в чавкающую грязь золотую листву сентября, но было выше нуля и никакого снега. «За вечер напал, – подумала Ирочка. – Значит, завтра в институт надену зимнюю куртку». Она подумала, обмотала шею шарфом, надела куртку и выглянула за дверь, на всякий случай так и сжимая в кармане ножницы. За дверью стояла все та же морозная мгла, ветер швырял на крыльцо настоящий колючий снег и почти уже замел одинокий след ее тапочка. Ирочка боязливо, не выпуская ручки из рук, выбралась на крыльцо и натянула на голову капюшон. От снега было довольно светло, но ей все равно почти ничего не удалось рассмотреть. Только темные дома – одно- и двухэтажные, редкие фонари, торчащие как черные палки. Ни одного прохожего, ни одной машины. Из-за угла вышла тощая дворняга, приняухалась и затрусилась к Ирочке. Ей стало жутко, и она миготом открыла дверь и залетела внутрь. И закрыла дверь на ключ. На сегодня ей уже хватило приключений.

На ночь она на всякий случай завязала ручки шкафа шнурком и подперла его стулом. Не бог весть какая защита, но если бы кто-то вздумал пробраться сквозь запертую дверь (ключ Ирочка благоразумно надела на цепочку и повесила на шею, чтобы не потерять), от грохота проснулась бы вся квартира.

От стресса, видимо, Ирочка умудрилась не проспать, пе-

рехватила на бегу пару пирожков у бабы Маши, запила холодным чаем и убежала в институт. Ей даже коллоквиум удалось сдать, пусть не блестяще, но хоть краснеть не пришлось, повезло...

5 октября

Боже мой, ну и денек! Это просто сойти с ума! Мне это кажется просто нереальным! Как будто кино посмотрела, даже не верится. Я нашла в комнате еще одну дверь! В шкафу! Просто кино какое-то. У шкафа, оказывается, просто нет задней стенки, и потому его прибили к стене. А может, специально шкаф сделали, чтобы дверь спрятать.

Вот уж чего не ожидала. Теперь я все думаю про эту дверь... Она хоть и закрыта на ключ, но мне как-то боязно: вдруг кто-то войдет оттуда. Может, ее обратно кирпичом заложить? Но интересно же! Там как-то странно, как будто город другой. Эх, жаль Сашика дома остался, мы бы с ним туда сходили, он любит такие штуки. Может, та сторона северная, поэтому там холоднее и снег?

Но ничего, главное, из шкафа не дует.

Вернувшись вечером, девушка отчиталась суровой Сталиванне, варившей на этот раз сардельки с картошкой, об успехах в учебе, удостоилась похвалы и означенной сардельки с пюре, которое Ирочка не любила, но самой готовить было лень, да и нечего. Поэтому нос она не воротила, быстро

слопала что дали, поблагодарила, вымыла всю посуду и убежала к себе.

Там она с опаской подошла к шкафу и прислушалась. Внутри было тихо. Тогда Ирочка рискнула открыть дверцы. Белая дверь была на месте, из-под нее не дуло, хотя вчера, помнила девушка, ветер был просто страшный!

Ее так и подмывало пойти проверить, что там, за дверью, но... зимней одежды у нее не было, не успела еще привезти из дома: тут-то держать весь гардероб сразу было просто негде. Ну ладно... Джинсы, ботинки, свитер, пальто... Сверху бы еще что накинуть... Тут ее осенило, и она метнулась к Анне Феодосьевне: видела у той огромную вязаную шаль, которую и выпросила под предлогом того, что в окно дует, прямо в спину, а заклеивать окна на ночь глядя не станешь ведь, а ей еще заниматься полночи... Старушка покивала и шаль одолжила.

Размером та была с хороший плед, так что Ирочка замоталась в нее с головой, достала ключ, отперла дверь и выглянула наружу. Все то же самое: темень и снег. Где-то лает собака, для разнообразия тускло светится одно окошко вдалеке.

Ирочка выдохнула и шагнула на снег. Правда, вовремя спохватилась и подперла дверь кирпичом, а то вот так захлопнется, и что делать?

Она спустилась с крыльца и сразу же утонула в снегу почти по колена. Снег здесь никто не убирал, единственное, что позволяло двигаться почти без помех, была колея, остав-

ленная телегой, точнее телегами. Пахло снегом, дымом, навозом и еще чем-то кислым. Она пошла вдоль улицы, разглядывая дома. К ее некоторому разочарованию, это был все тот же город, в котором она жила, только беднее, неухоженнее, провинциальнее. Деревья были все вырублены. Ирочка узнала дом на параллельной улице – под карнизами там примостились классически правильные лица с открытыми ртами и трагическими глазами, в завитках акантов. Окна в доме были закрыты ставнями, а ведь она никаких ставень раньше не замечала, вот невнимательная! Дальше, через три дома, стоял кирпичный лабаз, и вот там-то кто-то точно был, стоял, курил у дверей. До нее донесся грубый запах табака. Ирочка прижалась к углу, опасаясь подойти к незнакомцу: ночь (почему здесь все время ночь, хотелось бы знать), никого нет, милиции не видно, убежать некуда. А вдруг маньяк или вообще грабитель?

Между тем маньяк-грабитель никуда не спешил, стоял, курил. Ирочка высунулась из-за угла и увидела, что он поправил на плече винтовку. «Да это охотник!» – радостно подумала она. Как она сразу не догадалась! Кем же еще мог быть человек в полушубке, с винтовкой, курящий – Ирочка вспомнила слово – махорку, как не охотником. Наверное, поджидает товарищей. Она совсем было уже собралась выйти и окликнуть мужчину, но как-то ступсывалась. И что она спросит? Здравствуйте, куда я попала? Он точно примет ее за ненормальную, особенно когда шаль увидит.

Она обдумывала, куда ей пойти – конечно, когда охотник встретится с приятелями и уйдет от лабаза. Может, стоит направиться в другую сторону? Там в ее городе был сквер, а сейчас здесь вместо сквера торчали круглые купола с плывущим над ними крестом.

Мужчина с ружьем доверия как-то не внушал, и Ирочка решила, что возле церкви будет спокойнее. Там всегда много людей, бабушки всякие, их можно расспросить потихоньку...

До церкви она дошла достаточно быстро, хотя и спотыкалась поминутно: что ж такое, тут под снегом сплошные колдобины, будто асфальт еще не положили!

Тут Ирочка сообразила, что совсем рядом с ее домом автобусная остановка, а здесь ее не было. Там вообще ничего не было. И на месте школы – пустырь.

Да и церковь ее не порадовала: она стояла пустая, темная, с заколоченными дверьми, никаких словоохотливых бабушек, только еще один дяденька в полушубке и с ружьем, будто брат-близнец первого!

– Чего встала? – спросил он. – А ну, иди отседа! Неча тарашиться...

Ирочка ойкнула и опрометью бросилась назад. Куда же это она попала? Ведь улица знакомая, дома тоже, только где таблички с номерами? Куда подевался минимаркет на углу? И почему мост через речку выглядит каким-то... гм... слегка обрушившимся и... деревянным? Сейчас ведь это люби-

мое место молодоженов, все перила увешаны замками с именами!

Набрав полные ботинки снега, она снова добрела до дома с масками. Теперь он казался ей чуть ли не родным. Человек с ружьем у лабаза куда-то делся, наверное, дождался приятелей и ушел, и Ирочка храбро двинулась вперед. Тем более что ветер очистил небо, и на него выплыла слегка обкусанная с одного бока луна. Ирочка только удивилась тому, насколько лучше стало видно. В этом лунном мрачном свете вдаль уходила кривоватая улица, через десяток домов загибавшаяся влево. Никто никуда не шел, даже светившееся одинокое окошко погасло. Зато стали видны следы. Особенно натоптано и намусорено шелухой от семечек было у лабаза, куда она рискнула пойти. Внезапно она услышала скрип снега под чьими-то ногами. Ноги эти, судя по звуку, быстро бежали, причем в ее сторону. Ирочка, не раздумывая, шмыгнула в узкую щель между лабазом и сараем. Теперь она уже слышала и тяжелое, рваное дыхание незнакомца. Она вытянула шею и увидела, как из-за поворота улицы бежит какая-то фигура, путаясь в полах длинного пальто. Незнакомец, а Ирочка чутьем поняла, что это мужчина, то и дело оглядывался, и она поняла, что за ним кто-то гонится. Наверное, бежит к церкви, почему-то подумала она.

Он несколько раз спотыкался, потом упал, с трудом поднялся и снова побежал, но поодаль уже слышались командные окрики: "Стой, стой, кому говорят!", а еще – сухие щелч-

ки выстрелов.

Ирочке стало холодно даже в пальто и шали. Она вспомнила, где видела такое. В кино про войну. Или про революцию. Неважно, шпиона там ловили или революционера, показывали именно вот так: пустынная, едва освещенная улица, бегущий и падающий человек, крики жандармов (или полицаев), иногда еще лай собак и выстрелы в воздух.

– Эй! – окликнула она шепотом, набралась храбрости и повторила погромче: – Эй! Иди сюда!

Беглец встrepенулся, посмотрел по сторонам, заметил, видимо, как Ирочка машет ему рукой из своего убежища, и подошел поближе.

– Это за тобой? – спросила она.

Он кивнул. В темноте лица было не разглядеть, Ирочка поняла только, что на нем фуражка, а пальто – не пальто, а шинель.

– А почему? Ой, некогда, – спохватилась она, сообразив, что голоса слышны уже рядом. – Пойдем!

– Куда?! – подал голос незнакомец, но дал увлечь себя к спасительной двери.

Ирочка впихнула его в комнату, прижала палец к губам и ногой выбила кирпич. Дверь захлопнулась, а за ней и створки шкафа...

Она торопливо повернула ключ в замке и, схватив холодную руку незнакомца, вывела его из шкафа.

Он немедленно зажмурился от яркого света, и у Ирочки

было время его рассмотреть, пока он жмурился. Молодой, но на несколько лет ее старше, над верхней губой еле заметные усики, четко очерченные брови, породистое, несколько удлинненное лицо, похожее на лицо молодого Пастернака, ее тайную любовь в десятом классе. Фуражка и шинель, к ее удивлению, нисколько не походили на военные, и выглядели они щегольски, хотя шинель была чем-то запачкана.

– Ты кто? – спросил он, проморгавшись и открыв глаза.

– Я Ирина, – сказала она, немедленно сконфузившись, потому что спасенный был красив и высок. – Студентка.

– Павел Беккер, тоже студент, – он улыбнулся, хотя глаза оставались настороженными.

– Я в медицинском учусь, – пояснила Ирочка. – Ты раздевайся... Давай я твою пальто повешу.

Павел Беккер внимательно обвел глазами комнату, но фуражку и шинель снял. Под нею обнаружился темно-зеленый двубортный мундир, не похожий ни на что виденное Ирочкой ранее. Мундир ему очень шел, хотя был довольно потрепанным и мятым, на горле не хватало одной пуговицы, а с плеч явно было что-то спорото.

Ирочка пригласила его присесть на диван, и он подчинился с выражением полнейшего изумления на лице.

Ирочка унеслась из комнаты, лихорадочно соображая, что же теперь делать. Нет, что делать в ближайшие полчаса, ей было понятно – поить чаем и кормить, отогревать, успокаивать, выслушивать и расспрашивать. А дальше что? Она же

не может выгнать его на улицу, где так метет ветер и бродят непонятные опасные мужики с ружьями вместо нормальных людей. Она быстро поставила чайник и сунулась в холодильник.

– Кушать захотела? – спросил над головой голос Сталиванны, и Ирочка подпрыгнула. Меньше всего ей хотелось сейчас разговаривать с соседками, и уж подавно со Сталиной. Но та, оказывается, заглянула в холодильник на сон грядущий за пирогом с мясом и заодно оделила пирогами бедную голодную девочку, как она выразилась. Ирочка прихватила сахарницу, масло, белый батон и кусок колбасы и понесла все это в комнату – угощать коллегу.

– Это что, чай? – едва слышно спросил Павел, уставившись в кружку, которую подсунула ему Ира. Она давно обзавелась кипятильником, а то как не высунешься на кухню, тут как тут соседка какая-нибудь! На газу, оно, конечно, дешевле, зато душевное спокойствие дороже. – Настоящий?

– А что такого? – удивилась она. – Или ты кофе хочешь? У меня нету, но вроде у соседки был, только я плохо варю...

– Нет-нет! Не стоит беспокойства!

– Сахару-то положи, – подвинула девушка сахарницу. Беккер взглянул на нее диким взглядом и сглотнул. – Или ты несладкий пьешь?

Он вбухал в кружку ложек пять, не меньше, и пил чай, обжигаясь и неприлично хлюпая, но явно не в силах остановиться. Ира вздохнула и пожалела, что у нее нет никакого

алкоголя. У Сталиванны точно есть, да и у Анны Феодосьевны тоже, но не пойдешь же к ним на ночь глядя просить сто грамм водочки или стаканчик наливки!

– Я... я что умер, что ли? – выговорил Павел, когда его немного отпустило. – Хлеб... белый, масло, колбаса... Сахар, чай... А это что?

– Пирог с мясом, соседка угостила. Ты ешь, а то что-то ты зеленый совсем, – заботливо сказала Ирочка и сделала себе бутербродик. Ей тоже хотелось перекусить.

– Погоди, – сказала она, подумав, высунулась в коридор и присмотрелась. Судя по полоске света под дверью бабы Маши, та еще не спала, и Ира поскреблась к ней.

– Что случилось, Ирочка?? – удивилась старушка, уже переодевшаяся в ночную рубашку до пола.

– Баба Маша, мне очень стыдно, – сказала та, глядя в пол, – да я вот с занятий приехала, готовить сил уже нету, может, у вас найдется что-нибудь? Я вам продукты куплю!

– Девонька, что ты спрашиваешь, – вздохнула та, – поди в холодильнике кастрюльку возьми. Борщ там, сегодня варила, разогрей, завтра он уж не такой будет. И правда, принеси мне завтра свеколки и картошки килограмм, а то самой мне тяжело уже...

– Спасибо, баба Маша! – воскликнула Ира. Стыдно ей на самом деле не было, не для себя побиралась. И принести могла хоть два килограмма картошки, хоть пять, что ей, трудно?

– Сметана на второй полке! – крикнула вслед старушка.

...Руки Павла дрожали, когда он нес ко рту первую ложку горячего борща. Ирочка заботливо положила ему побольше сметаны, и теперь довольно следила за тем, как спасенный ест. Ел он довольно деликатно, хотя ему, наверное, хотелось поднести ко рту и махом выпить всю глубокую тарелку с дымящимся борщом и куском настоящего мяса. Она отвела взгляд, потихоньку поедая свой бутербродик. Неприлично так смотреть, как ест голодный человек, а Павел был именно что голодным, причем уже давно. Это было видно по худым ввалившимся щекам, подернутым щетиной, по теням под глазами, по нарочитой медлительности, с которой он заставлял себя есть.

– Большое спасибо, – наконец сказал он, отодвигая тарелку. Ирочка немедленно снова налила ему чаю и придвинула пирог.

– Пожалуйста, – улыбнулась она, – угощайся.

– Мне хватит, я и так уже объел тебя... на месяц вперед.

– Да ничего страшного, ты же гость, а гостей принято угощать!

– Было принято, – сказал он глухо и поглядел на свои пальцы с обломанными ногтями. Под ними залегла черная кайма.

Ирочка улыбнулась.

– Я тут книжки твои посмотрел... ты не против?

– Нет, конечно. Только там ничего интересного. Ну, то есть я хочу сказать, интересно, но очень сложно. Я латынь

зубрю-зубрю, а все из головы выскакивает.

– А ты... – он поколебался, – на каком курсе?

– На первом. А ты?

– Я третий закончил, хотел доучиться... – он замолчал.

– Слушай... а вот те дядьки, которые за тобой гнались, они кто? – осторожно спросила она.

– Большевики, – ответил он коротко.

– А почему они за тобой гнались тогда? – удивилась Ирочка.

– А я студент, белоподкладочник. Классово чуждый, – с озлоблением сказал он. – Когда делали революцию, разве о том думали, что всех поделят на классово близких и классово чуждых? В нашей семье всегда стояли за народ, отец сочувствовал народовольцам и был за конституционную монархию, а теперь вот...

– Какой кошмар! – искренне сказала Ирочка, не понявшая половины слов.

– Ты суфражистка, да? – спросил Павел.

– То есть? – опешила Ирочка.

– Ну... ты в брюках, – пояснил он и отвел взгляд. – Они же ратуют за равные права женщин и мужчин, как-то так...

– Феминистка, может? – спросила она и положила ему еще пирога.

– Да я в этих течениях ничего не понимаю, – с досадой ответил он и с наслаждением отпил еще чаю. – Как светло у вас!

– Да какое светло, напряжения нет, наверно, опять кто-то обогреватель включил, – сердито сказала Ирочка и, развернувшись, стукнула по клавише ноутбука, благо теснота комнаты позволяла такие маневры. – А, жив, и на том спасибо...

Судя по глазам Павла, такой техники он не видел никогда. Впрочем, когда до него сквозь сытую одурь дошло, что в люстре горит не свеча, что это не керосиновый фонарь... Словом, он живо очнулся и посмотрел вокруг повнимательнее. И явно подавил желание выпрыгнуть в окно.

– Где... где мы? – спросил он. – Вообще я ничего не понимаю, все так странно. Я ведь думал, мне конец. А тут ты выходишь и ведешь за собой, как в рай. Может, я правда умер? Хотя я никогда в ничего такое не верил. Я атеист.

– Скажешь тоже, – фыркнула Ирочка. – Я просто девушка, просто студентка, самая обычная. Хочу стать врачом. Вышла на улицу – а она как чужая, все какое-то не такое... Тут ты бежишь. Ну что было с тобой делать, не бросать же!

Они смущенно посмотрели друг на друга. Объяснения вышли путанными, да ничего, по сути, и не объясняли, но пока этого было достаточно.

– Надо тебе устроить постель, – сказала Ирочка деловым голосом и озабоченно подумала, что постель правда надо, только вот где. Лишнее одеяло и подушка найдутся, не вопрос...

Павел посмотрел на шкаф, словно прикидывая, не уйти ли, но промолчал.

– Нечего тебе там делать, вдруг у дверей эти караулят, с ружьями, – строго сказала Ирочка. – Сейчас организуем тебе помыться...

Она засуетилась и заразила суетой Павла. Осторожно прокралась на кухню, подожгла колонку, потом с предосторожностями провела Павла в ванную, сунув ему чистое полотенце и свой махровый халат с покемонами и объяснив, как пользоваться колонкой. Сама же нервно грызла ногти, боясь, что кого-то из соседок нелегкая вынесет в это время, придется объяснять присутствие мужчины, словом, воображала сплошные неприятности. Но все обошлось. Павел, чистый, с мокрыми волосами, причесанными на пробор, побритый (Ирочка сунула ему одноразовую бритву из пакетика) был еще красивее, но было видно, что он буквально валится с ног. Он упал, где она ему постелила, и уснул, едва коснувшись подушки. Она еще немного посмотрела на него и тоже улеглась. Но ей-то как раз не спалось. Бурная жизнь авантюристки, как оказалось, была не по ней.

Правда, сказался стресс, и, раздумывая, как это ее угораздило ввязаться в такую авантюру, Ирочка уснула.

Проснулась она, когда ее осторожно потрясли за плечо. Она открыла глаза и чуть было не завизжала, увидев незнакомого мужчину, но тот зажал ей рот ладонью. Тут Ирочка вспомнила вчерашние события, поняла, что это был не сон, и выдохнула с облегчением. Ну, что значит облегчением... Этого парня надо было, во-первых, накормить, во-вторых,

куда-то девать. Например, выпроводить через шкаф обратно в холодный и голодный заснеженный город...

Этого сделать она не могла. Но утром, торопливо собираясь, изложила ему обстановку, напирая на необходимость соблюдать конспирацию от соседок и сидеть тихо. Павел заверил, что два куска хлеба с маслом и колбасой и чай – это то, чего он жаждал, и Ирочка убежала на занятия. Они не лезли ей в голову, поэтому она была абсолютно счастлива, когда три пары закончились, и ловко улизнула от старосты, намеренной провести после занятий собрание группы. Она все обдумала и по дороге домой купила не только обещанные баб Маше картошку и свеклу, но и длинную палку колбасы, пельменей и две буханки хлеба.

– Я тут почитал твои книги, – смущенно сказал Павел, – все равно делать нечего. И знаешь, многого не понял. Что такое коронарное шунтирование, эхокардиограмма, генная инженерия?

Ирочка глубоко вздохнула.

– Долго объяснять, давай сначала поужинаем...

Ужинали пельменями и колбасой. Павел забывал жевать, слушая, как Ирочка зачитывает ему найденные гуглом ответы на его вопросы. Кажется, в отличие от нее он понимал, и от этого понимания у него горели глаза и пересыхали губы... Но уже вечером, после полного опасностей похода в уборную, он сказал:

– Знаешь, Ирина, я думаю, мне нужно уходить... Не могу

я все время проводить у тебя на диване. Я мужчина, хотя и пацифист. Да и неловко это – сидеть у тебя на шее.

– А как же ты? – испуганно спросил она, на полуслове обрывая чтение.

Он пожал плечами.

– Я сюда приехал к родне из Москвы, рассчитывал, что в провинции потише, теперь уеду обратно. Новой власти тоже нужны врачи, я так думаю.

– А что твои родные?

– Расстреляли... брата отца, а куда пропала семья, не знаю, в их доме теперь другие живут. Что мне тут делать? Не пропаду!

– Только ты не сегодня уходи, подожди немного, отдохни, поешь вдоволь, – засуетилась Ирочка. – И знаешь, давай на память сфотографируемся!

– Но завтра уж – край, – серьезно сказал он. – А как мы сфотографируемся? Это же надо идти в ателье, а мне без надобности показываться на улице не стоит...

– Не надо никуда идти! – ответила девушка. – Погоди... я свою мыльницу найду... Где тут таймер, чтоб его... Ага! Сиди вот так, я сейчас пристрою эту фиговину...

Чтобы взять нужный ракурс, фотоаппарат пришлось поставить на табуретку, а ту взгромоздить на стол.

– А теперь улыбайся, – велела Ирочка и села рядом с Павлом, как на старинных фотографиях у Анны Феодосьевны: спина прямая, на плечах шаль... впечатление портили толь-

ко чересчур короткие волосы. – Улыбайся и не моргай!

Фотоаппарат исправно отснял несколько кадров, Ирочка просмотрела их, выбрала пару самых удачных и скинула на флешку.

– Завтра напечатаю и тебе отдам, – сказала она. – В институте. Своего принтера нет, дорогогато выходит.

Павел только вздохнул: техника потрясла его до глубины души, а уж возможность переговариваться на расстоянии, видя лицо собеседника...

– До чего велик человеческий разум! – сказал он как-то. – Неужто это и есть светлое будущее, о котором говорят красные?

– Н-не уверена, – обтекаемо ответила Ира. – Но что-то светлое в этом есть точно.

Завтра она на лекции составила список покупок и после занятий методично обошла магазины. В итоге она выложила на стол несколько пачек чая и сахара, два килограмма соли, кусок сала, три пузырька йода, бинты, несколько пачек таблеток, колбасу, складной нож, десять пачек сигарет, муку, пять кусков мыла, бутылку керосина и еще кучу всякой всячины. Ирочка потратила почти все, что у нее было, но рассчитывала на помощь соседок. Не отлучат же ее от борща и пирогов!

Павел при виде разложенного на столе богатства просто онемел. А потом Ирочка сунула ему в руку снимок, и он впился в него глазами.

– Поразительно, – пробормотал он, – потрясающе.

И бережно спрятал во внутренний карман.

Они пообедали вместе в последний раз. Наступило неловкое молчание. – Пошли, – сказала Ирочка почему-то шепотом. – Если мы отсюда выйдем пораньше, может, и там будет пораньше? Не ночь, а вечер?

Павел встал, выпрямился, одернул мундир, взял Ирочку за плечи и неумело поцеловал в щеку.

– Спасибо, – сказал он. – Я тебя не забуду.

– И я, – шепнула она, отводя глаза.

7 октября

Я туда ходила!!! Я даже не знаю, как это описать. Ну правда все другое, и я будто не я, а смотрю со стороны... Но я там была точно!

Никогда бы не поверила, что на такое способна: я трусиха, я знаю. Но если б я не пошла, они бы убили Павла.

Раньше я бы никогда не поверила, что такое бывает. Может, он меня разыграл? А мужики эти, с ружьями? А телега с трупом? Я такие видела в морге, это самый настоящий труп. Я не знаю, что теперь делать. Павел меня смущает. Он такой красивый и серьезный, даже говорит как-то очень не так. Благородно. Может, это судьба, что мы с ним встретились? Нет, так бывает только в кино. Он сказал, что хочет вернуться и пробраться к своим. Но его точно хотели убить, вдруг они караулят где-то там? Я же знаю,

сколько времени прошло за дверью. Они и меня могли убить, боже мой, вот только сейчас до меня дошло. Аж зубы застучали. Никогда больше туда не пойду.

Я обвела шкаф меловой чертой. Понимаю, что глупо, но я не знаю, что делать. Мне страшно. Надеюсь, никто из соседей ко мне не заглянет, иначе не избежать расспросов.

– О боже! Идемте ко мне пить чай, будут птифуры и "Наполеон", тут неподалеку есть дивная кондитерская... Вы ведь любите сладкое?

– Еще как! – воскликнула Ира и быстро доела овсянку. – Вы только говорите, если надо помочь, мне нетрудно!

– Конечно, конечно...

За чаем со вкуснейшими пирожными Анна Феодосьевна снова предалась воспоминаниям и достала семейный альбом. Сытая и довольная Ирочка не без удовольствия внимала ее историям.

– Вот он, мой Павлуша, – журчала старушка, вынимая из альбома старую пожелтелую фотографию. – Тут он еще студент, снялся с какой-то медсестричкой, имени ее он мне не называл, говорил только, она ему жизнь спасла. Страшное время было, Ирочка, страшное! Как подумаешь...

Ира молча смотрела на ветхий снимок. С фотографии на нее смотрел старательно улыбающийся Павел. И она сама, взерошенная, в неуклюже намотанной шали. Хорошо, лицо расплылось за давностью лет, на кафедре был очень старый

принтер, не узнаешь, даже если захочешь...

10 октября

Сегодня ночью мне снился Павел. Мы с ним гуляли по улице, а потом выстрелы, мы бежим, вдруг Павел падает, и снег... такой красный. Всюду кровь! Я стою над ним на коленях и слышу сзади топот. Как страшно понимать, что сейчас они подбегут и убьют меня тоже! Я вскочила – было пять часов утра.

Надо не думать об этом.

Так странно, что Павел – это покойный профессор Беккер. Удивительное совпадение, ведь со мной в одной квартире живет его жена, то есть вдова! А говорят, так только в кино бывает.

23 октября

Давно ничего не пишу. Потому что не о чем. Учеба, лекции, уборка. Шкаф ничего не делает. Я вешаю туда одежду и ничего. Может быть, попробовать открыть еще раз дверь? Это просто как кино, только совсем реальное. Со мной ни разу ничего не случилось. Надо попробовать. Вдруг я встречу Павла еще раз?

Глава 3

Заветный полтинник

Ирочка заглянула в кошелек – там лежали одинокие десять копеек, вытрясла мелочь из кармана – набралось еще пятьдесят. В кармане сумочки нашелся еще рубль.

– Ну и что мне делать с этим богатством? – скептически спросила она. Тщательно рассчитанный бюджет летел ко всем чертям из-за капризного ноута. Верного друга по сетевому серфингу пришлось нести в сервис, и он сожрал сумму, которой ей хватило бы примерно на неделю, и теперь Ирочка срочно искала резервы. Она бы с радостью подработала по специальности, но, увы, студентов брали только с третьего курса, а до него еще предстояло доучиться. Ирочка вздохнула и полезла в заветную коробочку. Здесь лежали ее детские сокровища: большой царский пятак с орлом, монетка в десять стотинок, случайно полученная на сдачу, серебряный полтинник 1925 года и три рубля советских, с Кремлем. Почему бы не расстаться с частью этих сокровищ, которые сейчас ей уже были ей почти безразличны? Ирочка подумала и остановила выбор на полтиннике, наверное, за него дадут столько, что можно будет прожить до стипендии. А то сколько же можно столоваться у соседок! Совесть надо иметь! Подгоняемая угрызениями совести, Ирочка положи-

ла в карман полтинник и направилась в антикварную лавку, где как-то углядела витрину со старыми монетами.

Витрина оказалась на месте, но приемщик поднял Ирочку на смех с ее амбициями. За ее драгоценный полтинник он предложил смехотворные сто рублей, дескать, такого добра хватает. Она гордо сунула монету обратно в карман и вылетела вон.

Она уже подумывала о том, чтобы сдать монетку в ломбард, вдруг за серебро по весу дадут больше, чем за сомнительный "антиквариат", но пожалела. Монетка досталась ей от бабушки, та клала ее на дно графина с водой, уверяя, что серебро очищает воду.

"Придется звонить родителям и просить денег", – мрачно подумала она, войдя к себе в комнату. Это было крайне неприятно, потому что они изначально были против того, чтобы Ирочка уезжала из дома, но, видимо, решили, что она хлебнет лиха в чужом городе, в съемной комнате в коммуналке и вернется, поджав хвост. Увы, занять было не у кого, стипендия кончалась быстрее, чем месяц, а у тех однокурсников, что побогаче, Ирочка одалживаться не желала...

Взгляд ее упал на шкаф.

"Может, продать что-нибудь ненужное?" – мелькнула у нее мысль. Впрочем, что за чушь, кому нужны ее кофточки и поношенные сапоги! И потом, сама-то она в чем будет ходить?

Она, однако, отворила дверцы и окинула взглядом скром-

ный гардероб. И невольно посмотрела на дверь. Ирочка не открывала ее с тех самых пор, как проводила Павла, и теперь ей было страшно любопытно, как же так вышло, что он стал профессором, знаменитостью... Ведь это точно был он на фотографии у Анны Феодосьевны! Неужто подсмотрел что-то в ее учебниках и благодаря этому обогнал эпоху? Или сам сумел додуматься до чего-то важного? (Ирочка не читала Брэдбери, поэтому об "эффекте бабочки" даже не подумала.)

"Загляну, – решила она и посмотрелась в зеркало. – Только переодеться нужно..."

Провернув ключ в замочной скважине, она осторожно выглянула наружу и зажмурилась: так сияло солнце! И было тепло, цвели каштаны... Вот здорово, подумала Ирочка, у нас тут холодрыга и снег, а я могу сходить в настоящий... Первомай, – поняла она, увидев людей с транспарантами и флагами. И поспешила прикрыть дверь.

"Так, надо хотя бы юбку надеть, – засуетилась она, – и туфли на носки, ужас, но там почти все так носят, никаких колготок я не видела... Куртка... вот ветровку возьму, сумку через плечо... И на голову что-нибудь... О!"

– Сталиванна! – постучалась она к соседке. – У вас какого-нибудь шарфика или косынки не найдется? А то я уборку затеяла, а волосы повязать нечем...

– Держи, – ответила та, порывшись в комод, и выдала девушке немного застиранную красную косынку. – И не мешай

смотреть!

Тут Сталиванна с немалой силой стукнула по боку телевизора, изображение перестало рябить, и с экрана вновь запел Кобзон.

Ира убежала к себе, повязала косынку на рабоче-крестьянский манер, стерла помаду и решила, что сойдет за одну из демонстранток.

Она глубоко вздохнула и шагнула в май. По улице шли радостные люди, несли кумачовые транспаранты, портреты, березовые ветки с еле проклюнувшимися клейкими листочками и накрученными на ветви белыми бумажными цветами. Бухал духовой оркестр, веял сладкий весенний ветер, и у Ирочки на душе стало отчего-то легко и радостно. «Наверное, красные уже победили», – подумала она, оглядывая почищенный город, беленые стены и красные флаги. Вот, значит, как люди жили тогда...

А когда это – тогда, вдруг пришло ей в голову. Раз отмечают Первомай, наверное, уже закончилась гражданская война... или нет? Все-таки закончилась, поняла она, увидев на огромном транспаранте надпись «Да здравствует двадцать третья годовщина Октября!» Двадцать третья – это получается уже тысяча девятьсот сороковой год...

Наверное, Павел уже стал врачом и ученым, подумала Ира, и где его искать-то? Ведь он скорее всего уехал к себе в Москву. И она решила просто походить по улицам – когда еще получится окунуться в историю.

Позже она вспоминала, что ее совсем не удивило, что месяц назад здесь был декабрь девятнадцатого года, а сейчас – май сорокового. Да и то сказать, гораздо больше Ирочку занимало, сойдет ли она за свою. И видимо, сошла, потому что никто не оборачивался вслед, кроме парня в лихо сдвинутом на ухо картузе, никто не кричал «Держи шпионку!» Даже обидно. Ирочке пришло вдруг в голову, что на свой полтинник она сможет купить здесь намного больше, чем у себя там. Надо только найти магазин... И она пошла к центру, вертя по дороге головой во все стороны.

Люди с флагами и транспарантами тоже шли туда, где надрывался оркестр, где кто-то бойко и гулко выкрикивал лозунги. Почти никто не шагал ей навстречу. Поэтому Ирочка сразу заметила маленькую девочку, которая уныло тащилась ей навстречу, низко опустив голову и глотая слезы.

– Что случилось? – спросила Ирочка, присев перед девочкой. – Почему ты плачешь, тебя обидели?

Девочка помотала головой и громко шмыгнула носом. Ей было лет семь, и застиранное платье было ей великовато. Волосы заплетены в две косички с белыми ленточками. Обычная девочка, только почему-то плачет.

– Где твои мама и папа, ты не потерялась? – продолжала утешать ее Ирочка.

Девочка помотала головой.

– Папка на войне, – сказала она, втянув содержимое носа, – а мы с мамой сюда приехали, мама в столовой работает.

– Ничего, вернется твой папка, – бодро сказала Ирочка, которую кольнуло какое-то смутное предчувствие. – Смотри, праздник, все смеются.

– А у меня мамка против праздника, – сообщила девочка. – Нам в школе велели принести по пятьдесят копеек, сдать на подарки воинам Красной Армии, а мамка говорит, самим есть нечего. Что я в школе скажу! Все принесут, а я нет...

– Хочешь, я дам тебе полтинник? У меня случайно в сумке завалялся. Бери-бери, – заторопилась Ирочка, судорожно нащупывая в кармашке сумки монету, наконец нашла и сунула в горячую ладошку девочке.

Та недоверчиво подняла на нее глаза, но монетку взяла и прижала кулачок к груди.

– Тетя, а почему ты мне ее даешь? – спросила она прямо.

– А я тоже... тоже хочу помочь Красной Армии, – ответила Ирочка с легкой заминкой.

– Спасибо, тетенька...

Девочка обошла ее и пошла по тротуару, вытирая другим кулачком глаза, но уже веселее. Ирочка посмотрела ей вслед и вздохнула.

– Кажется, я становлюсь сентиментальной, – сказала она вслух.

Она погуляла по городу еще час-другой, ее даже угостил мороженым какой-то молодой человек, который очень хотел с ней познакомиться, но Ира зачем-то назвалась Степани-

дой, и юноша быстро отстал. Нет, он был симпатичным, но заводить интрижку в прошлом Ира не собиралась – это уж полное безобразие.

Когда ноги устали, Ира вернулась к своему дому, вошла в комнату и выдохнула с облегчением. Все-таки ей было немного не по себе в прошлом, она постоянно боялась выдать себя, проговориться о чем-то таком, чего здесь еще нет. Хорошо еще, она подпевать могла: бабушка любила довоенные музыкальные фильмы, кое-что волей-неволей запомнилось.

Переодевшись, Ира снова постучалась к Сталиванне, вернуть косынку.

– Спасибо, – сказала она. – А то у меня или наволочкой, или полотенцем волосы подвязывать...

Сталиванна приглушила звук – по телевизору как раз показывали "Детей капитана Гранта", – взяла косынку и зачем-то понюхала.

– Пахнет совсем как тогда... – сказала она.

– Когда? – заинтересовалась Ира.

– Когда я еще первоклассницей была, – вздохнула та. – Да ты присядь, что стоишь... Хорошее кино, а?

– Да, очень, – согласилась девушка. Бабушка тоже любила этот фильм, а сегодня на демонстрации и песни из него пели.

– Как сейчас помню, – задумчиво произнесла Сталиванна, поглаживая косынку, – Первомай, демонстрация, люди веселые, поют "Кто верит, тот добьется, кто ищет, тот всегда

найдет", а я иду и плачу, какой там праздник..

– Почему плачете? – удивилась Ирочка и зачем-то потрогала ключ на цепочке.

– В школе у нас объявили сбор на подарки для красноармейцев, – пояснила та. – А мы очень бедно жили, нас же с финской границы эвакуировали... ты хоть знаешь, в каком году война с финнами была?

Ира кивнула. Теперь она это знала наверняка.

– Велели принести хоть рубль, хоть полтинник, а для нас с мамой это, считай, на два дня еды, перловки там наварить, хлеба купить... Об отце ни слуху ни духу, новости все сплошь дурные, живем у родственников... Мама в столовую поварихой устроилась, хоть на жизнь хватало, ну, она иногда приносила какие-нибудь остатки, все легче... И сказала мне, мол, самим есть нечего, – вздохнула Сталиванна, – где я тебе полтинник возьму? Так и пришлось идти в школу ни с чем. Иду, плачу, думаю, а вдруг подарок бы моему папе достался? И еще думаю, а что, если тетки с ее работы услышали, что мама в таком деле отказала? Ведь сообщит, куда положено... Да куда тебе понять, желторотая!

– Все я прекрасно понимаю, Сталиванна, – буркнула Ирочка. – Я историю учила!

– Вот-вот, ты учила, а я тогда жила... – суровая старуха опять вздохнула. – Ну вот, иду, плачу. Вдруг девушка как-кая-то меня останавливает, я ее не разглядела даже толком, глаза запухли от слез, и спрашивает, мол, в чем дело, поте-

рялась я или что? Это я сейчас думаю, что девушка, – пояснила она, – тогда-то она мне тетенькой показалась. Помню, что косынка на ней была точь-в-точь такая же, красная, застиранная маленько. И пахло от нее странно, ни у кого из маминых знакомых таких духов не было. Я почему и вспомнила...

– Это у меня шампунь такой, дыня и яблоко, – быстро сказала Ирочка. – Давайте, я постираю, а то...

– Не надо, сама постираю, – отвела ее руку Сталиванна. – Вот... Я ей сказала, в чем дело, а она вдруг раз – и дала мне этот полтинник. Тоже, говорит, хочу помочь бойцам Красной Армии! И убежала.

Она помолчала, потом добавила:

– Маму все-таки посадили, только не за политику. За хищение социалистической собственности: стукнул кто-то, что она остатки с кухни домой забирает. Там и без нее желающих хватало... Ну хоть небольшой срок да выпустили быстро. Анкету мне это подпортило, конечно, особенно когда я по партийной линии пошла, да я говорила, мол, мать последний полтинник от семьи оторвала, чтобы Красной Армии помочь, а ее за черствые горбушки осудили, которыми мы питались... Так-то, Ирина.

Ирочка ушла к себе в полном смятении. По всему выходило, что это она встретилась с маленькой Сталиной (интересно, как ее звали – Сталя? Лина?) и помогла ей полтинником, так удачно завалывшимся в сумке. Но как такое может быть

вообще? Ладно один раз, с Павлом, можно списать на чудо, но второй раз – уже подозрительно. Может, эта дверь – такая машина времени, которую специально спрятали, чтобы люди не вздумали лазить в собственное прошлое и там подправлять разные ошибки? Но ведь она-то лазит. Правда, не в свое. Ирочка подумала еще, что она, как современный ученый, запросто может провести ряд экспериментов, сходить _туда_ намеренно и исследовать... Она задумалась, что же там исследовать. В истории она была не сильна, но, по крайней мере, можно же просто пронаблюдать своими глазами, как все было! Какое-нибудь важное для страны событие. Или даже заснять на фотоаппарат... Ирочка вообразила статью в научном журнале, с большими цветными снимками, и от удовольствия зажмурилась. Но ей придется еще сходить за дверь, возможно, не раз. Ничего, зимой будет очень приятно погулять по летним улицам. Сперва она разработает план...

26 октября

Ох, ну и сходила! До сих пор голова кругом. Может, правда кто-то эксперименты ставит? Или в еду что-то такое добавляет. Это бы объяснило все. Сегодня встретила маленькую Сталиванну. Это точно, только она меня не узнала. И хорошо, иначе бы я чокнулась.

Лучше все записать. Прошлый раз у нас была осень, а там – уже зима, снег. А сейчас у нас уже снег идет, а там – май! 1940 год, это точно. Все такое настоящее – люди,

запахи, одежда, солнце. И я отдала Сталиванне свой полтинник. Сейчас искала еще хорошенько – нету. Ну не могла я в галлюцинации его потерять, он в сумочке лежал. Не знаю, что и думать. У меня голова кружится по-настоящему, так все невероятно. Теперь смотрю вокруг и сомневаюсь: а это точно настоящий мир, может, из него тоже можно куда-то выйти?

Глава 4

Ночной бродяга

Тихая улица, на которой стоял Ирочкин дом, обычно окончательно затихала к десяти часам. Одинокие машины, пронесившиеся мимо как обрывки музыкальных фраз, и те попадались исключительно редко. Прохожие по большей части были из своих, из жильцов невысоких окрестных домов, а те немногие, кто приобретал или снимал здесь жилье, очень скоро либо вписывались с общей стиль жизни, либо исчезали и переносились в более оживленные районы. И часам к одиннадцати улицы окончательно замирали, разве что попадались иной раз собачники с радостно скачущими питомцами.

Стук Ирочкиных каблучков по промерзшему асфальту отдавался легким эхом. Она торопливо шагала по тротуару, то попадая в пятна света от одиноких фонарей, то скрываясь в полутени, и очень радовалась, что на улице нет подвыпивших парней, задиристых подростковых компаний и всяких разных маньяков. После своих визитов за дверь она стала опасаться ходить в темноте, и сегодняшнее позднее возвращение ее пугало. А куда деваться, если в один день случилось четыре пары, заседание студенческого клуба, семинар и библиотека? Хорошо хоть идти было недалеко.

Неожиданно она заметила впереди какого-то круглого белого зверька. Зверек целеустремленно скакал в ее сторону. Ирочка сперва решила, что это собачка, но какая-то она была чересчур упитанная, да и двигалась совершенно иначе. Или все-таки собака? "Шпиц? Или как их еще называют, таких кругленьких? Мопс", – вспомнила она. Но тут собачка выплыла в пятно света от фонаря, и девушка тихо прыснула: это был просто белый пакет, надутый ветром и несомый ветром. Да ведь никакого ветра нет, подумала она, замедляя шаги и всматриваясь в пакет. Кажется, внутри кто-то есть... Замерший было пакет вдруг скакнул в ее сторону. Ирочка взвизгнула и метнулась на дорогу. Пакет неспешно проплыл мимо. Ирочка перевела дух и свернула с большой улицы, где и сейчас было довольнолюдно, в тихий переулок и торопилась поскорее добраться до дома.

Когда до него оставалось метров двести, впереди показался человек. В тени высоких разросшихся деревьев мелькал лишь смутный силуэт, так что сперва Ирочка решила, что ей показалось. Но нет, навстречу ей шел, кажется, мужчина, какой-то чересчур тощий, в надвинутом на лицо капюшоне, в куртке со слишком длинными рукавами. "Гопник какой-то", – подумала Ирочка с ужасом и прижала к себе сумочку. Мужчина шел прямо на нее, наклонив голову как бык. Ирочка посторонилась, обреченно подумав, что вот сейчас он на нее набросится, но нет – тот, сгорбившись, проковылял мимо, низко наклонив голову и не обращая на нее

никакого внимания. Ирочка, видевшая его прямо перед собой, даже в этот момент удивилась, что не может разглядеть его лица. Ей показалось, что капюшон уходит как туннель внутрь, а там темно и никакого света в конце, несмотря на фонарь, эгоистично освещающий собственное подножие и частично – тротуар в пятнах осенней листвы.

Ирочка быстро побежала вперед, туда, где под фонарем ясно выделялась дверь ее подъезда. Через несколько метров она оглянулась на бегу и заметила, как тощая сторбленная фигура растворяется в темноте.

Ирочка влетела в подъезд и бегом поднялась на свой этаж. – Что это ты запыхалась вся? – неодобрительно спросила Сталиванна, выходя из ванной с чалмой на голове. – И припозднилась сегодня. Собрание, что ли, комсомольское?

– У нас нет собраний, – виновато ответила Ирочка, не зная, на который вопрос первым отвечать. – А запыхалась – там встретился какой-то мужик страшный. Никогда такого тут не видела.

Сталиванна хмыкнула, плотнее запахивая байковый халат.

– Неужто снова бродить начал? – пробормотала она, не обращаясь ни к кому в особенности.

– Кто... начал? – Ирочка вся превратилась в слух.

– Да так, не обращай внимания, вон хочешь – блинов я напекла с творогом, – ответила Сталиванна, явно уклоняясь от ответа.

Ирочка с удовольствием запустила зубы в холодный блин, другой рукой ставя на плиту чайник, но слова соседки отозвались внутри неприятным чувством.

Снова начал бродить – значит, бродил уже раньше, а потом перестал, а теперь снова начал... Вообще-то ей этот мужик ничего плохого не сделал, подумаешь, тощий с виду и в капюшоне, полгорода так ходит. А все-таки ей было не по себе. Она сразу припомнила странную дверь, Павла, мужика с ружьем. Все было так странно, если не сказать страшно... Ирочка пообещала себе, что больше не будет ходить так поздно одна, хотя представления не имела, как это осуществить. Утешало только то, что страшный мужик шел от дома, а не к дому и, значит, не мог видеть, где она живет.

Назавтра было воскресенье. Ирочка поваялась бы подольше, но сквозь закрытую дверь до нее донеслись из кухни раздраженные голоса – партийный басок Сталиванны и напевное бормотание баб Маши. Ирочка подкралась к двери и чуть приоткрыла ее. Соседки ссорились.

– Народ совсем одичал без руководящей и направляющей роли коммунистической партии, – гремела Сталиванна. – Стыдно ваши поповские бредни слушать. Проповедуете вредные суеверия! Люди в космос летают, головы пересаживают, оспу победили, а вы нас обратно в болото тянете!

– А соль вы не кушаете тоже благодаря руководящей и направляющей? – ехидно спросила баб Маша, отбросив обычную благодность. Видно, Сталиванна ее допекла.

– Соль – белая смерть! – провозгласила Сталиванна. – А я кушаю, между прочим, соленые огурцы!

– Маринованные! – пропела баб Маша.

– Соленые!

– Доброе утро, – робко вставила Ирочка в паузу, когда Сталиванна набирала воздуха для адекватного ответа.

– Доброе! – хором рявкнули соседки.

– Я соли купили, если надо, пожалуйста, могу одолжить, – еще более сконфуженно проговорила Ирочка. – В комнате у меня лежит.

– Вот и пусть лежит, – сурово отрезала Сталиванна.

О соли девушка вспомнила совершенно случайно: когда отправилась за покупками и обнаружила, что в очереди все поголовно покупают соль. Кто килограммовые пачки, кто мельнички-солонки, кто маленькие пакетики вроде тех, в которых в кафе подают сахар. Так или иначе, но соль брали все. Ира еще подумала, что осень – пора заготовок, наверно, потому соль и расходуется на ура, огурцы закатывают, помидоры. Спихватилась, что у нее самой опять ничего нет, и купила целую пачку. И сообразила еще, что даже борщ у баб Маши несоленый. Вкусный, но она туда то ли специи какие-то добавляет, то ли еще что-то, а вот соли явно не хватает.

Ирочка улизнула из кухни к себе, выпила кофе и решила, что может себе позволить погулять, пока на улице солнце, редкий гость в ноябрьской хмари. Она быстро оделась и выскользнула на улицу. Соседки продолжили ругаться.

Ирочка сбежала по широкой лестнице и возле подъезда столкнулась с другими жильцами дома. Дом вообще-то был восьмиквартирный, старый, с толстыми стенами и витыми перилами, и жило здесь не так уж мало народу, только Ирочка с большинством не сталкивалась. Зато соседки, похоже, ее знали, потому что степенно ответили на ее приветствие и задали, с оглядкой по сторонам, вопрос:

– Слышала уже?

– Что? – испугалась Ирочка.

– Да вот Витька, муж мой, вчера сам видел...

– Глаза залил, вот и видел, – вмешалась третья соседка, прислушиваясь к разговору от своего первого подъезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.